

Гу Чанъань вытащил из коробки Линь Го пару салфеток, подстелил их на стол и поставил сверху арбуз.

Он стоял у кровати, слегка запрокинув голову, глядя на лежащего пластом друга.

— Ну и уморили же нашего малыша, — сказал он. — Я арбуза купил, поедим, охладимся?

Линь Го бессильно повернул к нему голову.

— Чанъань, если я умру, не забудь сообщить моим родителям.

Гу Чанъань потрепал его по голове.

— Не умрёшь. Умрёшь — госпожа Цинь с меня шкуру спустит.

— Отойди, я встану, — Линь Го отмахнулся от его руки.

— До построения больше получаса, лежи ещё.

— Не буду, пойду арбуз поем. Мало ли, последний в жизни шанс.

Линь Го слез с кровати, шлёпая тапками, уселся на стул, развязал пакет и взял дольку.

— Тебе не хочешь?

Гу Чанъань покачал головой.

— Не-а. Только что в столовой Ху Юй целый лоток купил, я попробовал — сладкий, вот тебе и принёс.

— Да, сладкий, — с наслаждением уплетая арбуз, подтвердил Линь Го. — Только что из холодильника?

Гу Чанъань тем временем тихонько придвинул стул Лу Мэнбая и, усевшись, уложил ноги Линь Го себе на колени.

Тот, с полным ртом, перешёл на диалект:

— Ты чё это делаешь?

— Разомну тебе, а то завтра ходить не сможешь.

Гу Чанъань принялся массировать ему икры, и от его уверенных, в меру сильных движений Линь Го даже зажмурился от удовольствия.

Взяв ещё один кусок, Линь Го мечтательно вздохнул:

— Эх, кабы ещё служанка с веером подошла... — Он причмокнул, представляя себе идиллическую картину. — Я, господин Линь. А ты, Гу, — наложница, что лебезит передо мной в надежде стать главной женой.

Гу Чанъань усилил нажим.

— И не стыдно тебе! И арбуз тебе ношу, и массаж делаю, а я всего лишь наложница?

— А разве главная жена станет так господина обслуживать? Нет, это удел наложницы!

— Ну шути, шути, — Гу Чанъань усмехнулся. — Вечером, после развода, зайду ещё раз помассирую, ладно?

— Ладно, — благосклонно кивнул Линь Го. — Не зря я тебя, господин Линь, в дом взял.

— Да-да, — подыграл Гу Чанъань. — А когда же господин Линь возведёт меня в ранг главной жены?

— Это уж как себя проявишь. Угодь господину — будет тебе и хлеб, и почёт.

«Господин Линь», доев арбуз, вытер руки и многозначительно взглянул на «наложницу». Та послушно собрала в пакет арбузные корки, использованные салфетки и те, что лежали на столе.

— Ну, я пошёл тогда. Вечером загляну.

«Господин» величественно махнул рукой, давая отставку. «Наложница» покорно удалилась с мусором. Линь Го потрогал живот, удовлетворённо чмокнул и забрался обратно в кровать.

Вечером после построения, переключки и недолгой речи инструктора, роты под предводительством командиров потянулись в общежитие. Рота Гу Чанъаня отчиталась первой. Инструктор почесал затылок и хмыкнул:

— Да сегодня и сказать-то нечего. Приберитесь да пораньше спать. Завтра не опаздывайте. Всё, Ху Юй, веди народ в общагу.

Ху Юй со своей ротой первым вошёл в здание и поднялся на третий этаж. Гу Чанъань и Е Цин, взяв четыре термоса, отправились за кипятком, а Сюй Чэн с Ху Юем остались умываться.

Минут через пять в общежитие начали подтягиваться и другие роты. Когда Гу Чанъань с Е Цином возвращались с полными термосами, у кранов уже выстроилась небольшая очередь.

Е Цин оглянулся на хвост очереди.

— Хорошо, что мы первые, а то тоже пришлось бы торчать.

На лестничной площадке они встретили нескольких парней с мокрыми до нитки футболками и кепками.

— Дождь пошёл? — поинтересовался Е Цин.

Один из них, расстёгивая пуговицы, буркнул в ответ:

— Ага, внезапно хлынуло, будь здоров! Чуть не залило нас там, еле ноги унёс!

Е Цин кивнул и догнал Гу Чанъаня.

— Погода-то, зараза! Весь день жарило — ни капли, а к ночи как из ведра!

— Точно, — согласился Е Цин. — Утром я так изжарился, что крем от загара чуть не растёкся, а дождя и не было. — Он вдруг хихикнул. — Эх, последней роте, наверное, не повезло больше всех!

— Ещё бы.

Войдя в комнату, они поставили термосы у двери. Е Цин гаркнул во всю глотку:

— Вернули-и-ись!

Из ванной вышел Ху Юй с зубной щёткой и полотенцем.

— Не ори, тебя до конца коридора слышно. И ещё называешь себя айдолом? Я закончил, можете идти.

Е Цин лишь усмехнулся, пропустил Гу Чанъаня вперёд, а сам уселся на стул и, достав из ящика телефон, погрузился в созерцание экрана.

Когда Гу Чанъань вышел из ванной, в дверях как раз появился Сюй Чэн, вернувшийся с выносом мусора.

— Старина Гу, — сказал он, — я слышал, вторая рота только-только вернулась. Сходи наверх, проверь Линь Го. Малыш, наверное, в бешенстве. — Затем он хлопнул по плечу Е Цина. — А ты, Цин, не пойдёшь проведать свою «сестрицу»?

Е Цин, не отрываясь от телефона, покачал головой.

— Сходи ты, представь там всех от нашей 323-й.

Гу Чанъань нахмурился.

— В смысле? Они только сейчас зашли?

— Да я от других слышал. Говорят, командир второй роты опять крышей поехал. Дождь начался, все инструкторы роты в здание загнали, а он свой отряд в строю оставил. И стояли они, пока дождь не кончился. Ливень же был — все, ясное дело, вымокли до нитки.

Гу Чанъань поморщился, порылся в ящике, достал коробку с противопростудным, затем из шкафа, из коробки с вещами, выудил фен и направился наверх.

Уже на пятом этаже его встретил гул матерной брани, летящей из всех комнат.

Дверь в 519-ю была распахнута. Он постучал по косяку и вошёл. На звук стука в комнате на мгновение воцарилась тишина, но, узнав Гу Чанъаня, Лу Чэнь и Лу Мэнбай облегчённо выдохнули и продолжили ругаться, лишь слегка сбавив тон.

— А где наш красавец? — спросил Гу Чанъань.

— Одежду сушить пошёл, — ответил Лу Мэнбай. — Сейчас там народу много, мы попозже сходим.

Гу Чанъань кивнул. Линь Го, прислонившись к стене, снимал штаны. Глаза у него были красными. Гу Чанъань поставил фен на его стол и потрогал майку.

— Насквозь промок... Стирать даже не надо.

Линь Го швырнул штаны в угол и шлёпнул его по руке.

— Отстань! Я сейчас просто вне себя! — Раздражённо отодвинув фен, он тяжело плюхнулся на столешницу.

Гу Чанъань встал на соседнюю ступеньку лестницы, стянул с кровати Линь Го его небольшое плед-полотенце и накинул ему на плечи. Затем уселся на стул и, запрокинув голову, посмотрел на друга.

— Не кипятись. Расскажи, что случилось. Что нашего малыша так разозлило?

Линь Го кутался в плед, в ярости проводя рукой по волосам.

— Ты же понимаешь, я не из-за дождя злюсь.

Гу Чанъань кивнул.

Линь Го глубоко вздохнул.

— Знаешь, почему он нас не отпустил?

— Говори, я слушаю. — Гу Чанъань мягко взял его руку. Рука была ледяной — то ли от дождя, то ли от злости.

— У нас в строю один парень чихнул. Так тихо, еле слышно, только голова и плечи дёрнулись. А он завопил, что мы его, инструктора, игнорируем и бросаем вызов. Мол, будем стоять, пока все остальные не разойдутся.

Лу Чэнь, услышав это, в ярости швырнул кепку об пол.

— А потом, представляешь?! Стоять — ладно, стояли бы! Но дождь-то лил как из ведра! Прямо как из брандспойта нас поливало! А он всё равно не разрешал зайти! Командир первой роты даже вмешался!

Лу Мэнбай отхлебнул воды из бутылки.

— Командир первой роты пришёл уговаривать. И знаешь, что этот тип ему сказал? Мол, таких студентов надо характер ломать, тогда слушаться будут. Я просто в ауте! Я пришёл учиться, а не в армию! Ещё заявил: не разрешу вам сдвинуться с места, пока сами не успокоитесь. Я буду стоять с вами. Чтоб его... Да будь у меня возможность сменить инструктора, я бы четыре года в университете без девушки прожил!

— Эй, это уж слишком, — Гу Чанъань покачал головой. — Кстати, а Си Линь в порядке?

— Да с ним-то что будет? Он же крутой, — буркнул Лу Чэнь.

— А эта одежда... Промокла так, что хоть выжимай. Полчаса минимум сушить. Чтоб он сдох, идиот!